

С. А. ИВАНОВ

ВИЗАНТИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В 966—969 гг.

Во второй половине X в. произошло немало событий, заметно повлиявших на судьбы Восточной Европы: кровавые усобицы и перевороты в Византийской империи и крещение Руси, неожиданная гибель Болгарского царства и его еще более неожиданное возрождение, трагические перипетии походов Святослава и агония державы Самуила на рубеже двух тысячелетий. Все эти события, конечно, не были обойдены вниманием историков. И не удивительно, что один, на первый взгляд незначительный, эпизод конца 60-х годов остается в тени окружающих его эффектных сюжетов. Эпизод этот — конфликт императора Византии Никифора II Фоки с болгарским царем Петром — представляется как бы лишенным логических подпор и внутренних пружинок. Как сумма аморфных раздробленных фактов предстает интересующий нас период и в большинстве исследований. Между тем при соответствующем подходе он не только восстанавливает свою целостность, но, как нам кажется, может оказаться недостающим звеном для понимания куда более глобальных потрясений.

Если суммировать данные источников по византийско-болгарским отношениям в 966—969 гг., не подвергая их какой бы то ни было критике, то получится следующая картина: зимой 965/6 г. в Константинополе праздновался захват арабской крепости Тарс. В это время ко двору прибыло за обычной данью болгарское посольство. Выслушав требования болгар, император Никифор пришел в ярость, в горячей речи оскорбил болгарский народ и его царя Петра, велел бить послов по щекам и гнать их вон. Не успокоившись на этом, он вознамерился завоевать Болгарию, для чего пошел на нее с войском и штурмом овладел пограничными болгарскими крепостями. Но, продвинувшись глубже и увидев, что страна гориста и труднодоступна, вспомнив к тому же о гибели здесь в прошлом многих византийских армий, Никифор почел за благо вернуться в Константинополь. Оттуда он послал патрикия Калокира на Русь, с тем чтобы последний передал князю Святославу предложение напасть на болгар и плату за это в размере 15 кентинариев золота.

Все приведенные выше сведения содержатся в историческом сочинении современника событий византийца Льва Диакона¹. Дальше повествование «подхватывает» хронист XI в. Иоанн Скилица: в июне 967 г. Никифор совершал инспекционную поездку по Фракии. Достигнув так называемого Большого рва, он отправил болгарскому царю Петру письмо, жалуюсь на то, что болгары пропускают через свою территорию венгров, которые грабят византийские владения². Ответ Петра донесен до нас хроникой Иоанна Зонары (XII в.), который в основном опирался на труд Скилицы, но наряду с ним и на какие-то неизвестные нам, независимые источники³. Болгарский царь ответил императору: когда болгары просили у Византии помощи против мадьяр, она оставалась глуха, а теперь, когда Болгария решила обезопасить себя от кочевников и заключила с ними договор, ромеи хотят опять

их посорить. Никифор, не удовлетворившись этим ответом, послал в Киев Калокира ⁴.

Как видим, Лев Диакон и Иоанн Скилица, в ряде случаев пользующиеся одним и тем же не дошедшим до нас источником⁵, в отношении данного сюжета совершенно расходятся друг с другом. Общим у них оказывается лишь факт отправки Калокира на Русь, приурочиваемый первым — к 966 г., вторым — к 967 г. Арабский историк XI в. Яхья Антиохийский подтверждает сообщение Льва Диакона о византийско-болгарской войне и призвании русских, объясняя это тем, что, пока Никифор воевал на Востоке, болгары опустошили византийские земли ⁶.

О событиях следующего, 968 г. повествует в своем отчете епископ Лиутпранд, находившийся тогда в Константинополе с посольством от германского императора Оттона. В этом отчете в частности говорится, что 28 июня Лиутпранд присутствовал на трапезе во дворце и был возмущен тем, как чествовали за столом болгарского посла: он был посажен выше самого Лиутпранда. Последний попытался уйти, но куропалат Лев Фока вернул его, объяснив, что, согласно договору 927 г., болгарским послам при византийском дворе должно оказываться предпочтение перед любыми другими ⁷.

В августе того же 968 г. на Болгарию обрушилось войско Святослава. Страна, как утверждает Скилица, была разграблена ⁸, царь Петр умер от горя 30 января 969 г.⁹ Ему наследовал его сын Борис.

Наконец, последний из независимых источников по интересующему нас сюжету — древнерусская летопись ¹⁰. Из нее мы узнаем, что неожиданное нападение печенегов на Киев вынудило Святослава прервать болгарский поход. Но, отогнав от столицы кочевников, он вновь обратил взоры к Балканам. На сей раз им овладела мечта о присоединении Подунавья к Руси ¹¹. После смерти его матери Ольги летом 969 г. Святослав вновь появился в Болгарии, подвергнув ее еще более страшному разгрому ¹². Повествование «завершает» Лев Диакон: видя, что русские преследуют на Балканах свои собственные цели, а патрикий Калокир, кроме того, хочет воспользоваться ими для захвата ромейского престола, Никифор решил изменить тактику. Он предложил болгарам мир и союз, а также попросил прислать в Константинополь принцесс болгарского дома, чтобы выдать их замуж за византийских царевичей. Болгары с радостью приняли предложение и отправили принцесс в Византию ¹³. Они прибыли туда 10 декабря 969 г.¹⁴

В конце октября Никифор собирался выступить в поход против русских, но обстоятельства внутреннего порядка задержали его. 11 декабря император погиб от рук заговорщиков.

При первом же взгляде на имеющиеся в нашем распоряжении известия обнаруживаются некоторые несообразности: прежде всего нельзя допустить, что два разных лица, носящие одно и то же имя, отправились с годовым интервалом на Русь, имея одинаковое задание, причем оба перед

¹ *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri X et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti e recensione C. V. Hasii. Bonnae, 1828 (далее — Leo), p. 61.12—63.10.*

² *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum/ Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973 (далее — Scyl.), p. 276.23—277.27.*

³ *Wartenberg G. Leo Diaconos und die Chronisten. — BZ, 1897, 6, S. 299—301.*

⁴ *Ioannis Zonarae Eritomae Historiarum. Bonnae, 1897, III, p. 513.3—7.*

⁵ *Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. — Византийское обозрение, 1915, т. 2, с. 106—127.*

⁶ *Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, с. 177—178.*

⁷ *Liudprand von Cremona. Die Werke. Hannover; Leipzig, 1915, S. 185.20—186.11. Scyl., p. 277.32—35.*

⁸ *Leo, p. 78.10—13; Иванов И. Български старини из Македония. София, 1908, с. 83.*

⁹ *Карышковский П. О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. — ВВ, 1953, 6, с. 62—71.*

¹⁰ ПСРЛ, т. I, с. 65—67.

¹¹ *Scyl., p. 277.35—37.*

¹² *Leo, p. 79.9—80.2.*

¹³ *Ibid., p. 86.11—14.*

отъездом были пожалованы саном патрикия. Значит, или Калокир поехал в Киев в 966 г., и Святослав после этого два года собирался в поход, или Никифор отправил патрикия через год после войны с Болгарией, хотя и Лев Диакон, и Скилица прямо связывают эти два события, или, наконец, сама византийско-болгарская война произошла не в 966, а в 967 г. Среди исследователей встречаются приверженцы как первой¹⁵, так и второй¹⁶ даты. Поскольку именно последнее предположение кажется нам наиболее вероятным, сделаем небольшое отступление, чтобы его обосновать.

Лев Диакон сообщает, что в 965 г. Никифор пошел войной на Тарс и после долгой осады захватил его. Когда император в конце года вернулся в столицу, туда же прибыло болгарское посольство. Но в таком случае период в два с половиной года между отъездом Калокира и новым восточным походом Никифора во второй половине 968 г. оказывается у Льва не заполненным почти никакими событиями¹⁷. Гораздо вероятнее известие Скилицы, что император провел на Востоке, воюя с арабами, и 965, и 966 гг., но поскольку на зиму он не вернулся, как это было принято, в Константинополь, а провел ее в Каппадокии¹⁸, то в юношеских воспоминаниях Льва Диакона оба года слились в один. Итак, лишь в конце декабря 966 г. византийский император вновь появился в столице, и его встречу с болгарским посольством можно отнести к началу 967 г.

Однако, разрешив лишь первую трудность, мы немедленно и тем сильнее сталкиваемся с новой: если отношения между Константинополем и Преславом были порваны описанным выше скандальным образом и весной 967 г. начались боевые действия (Лев Диакон), то почему же в июне Никифор как ни в чем не бывало обращается к болгарам с претензиями, которые можно адресовать лишь союзной державе (Скилица)? Еще удивительнее другое: почему Петр считает себя обязанным оправдываться перед неприятелем (Зонара), вместо того чтобы напомнить ему о расправе над посланцами? Объяснить ситуацию смогло бы лишь предположение, что военный конфликт был к тому времени как-то урегулирован. Но допустить замирение сторон в состоянии только те исследователи, которые сам конфликт относят к 966 г. — дате, отвергнутой нами выше. Впрочем, даже их попытки привязать к интересующему нас временному промежутку знаменитый пассаж Скилицы¹⁹ о смерти царицы Марии-Ирины лишены, на наш взгляд, оснований.

Этот загадочный фрагмент²⁰, имеющий столь важное значение для истории Западно-Болгарской державы и породивший необъятную литературу, действительно не поддается точной датировке. Его подробный анализ увел бы нас слишком далеко от поставленной темы, между тем как для нас теперь важно лишь то, что сообщение Скилицы не может быть отнесено к периоду после разрыва болгаро-византийских отношений, и вот почему. У хрониста сказано: Πέτρος τὴν εἰρήνην τάχα ἀνανεούμενος ἀποθανούσης τῆς αὐτοῦ γυναῖκος, т. е. возобновление договора оборотом «родительный самостоятельный» связано во фразе только со смертью жены Петра. Брак византийской принцессы Марии с болгарским царем в 927 г. скрепил мир между двумя странами. Вполне естественно, что ее смерть требовала повторного подтверждения мирных обязательств. Никаких других причин Скилица не называет.

Но, повторяем, вышеприведенные рассуждения необходимы для исследователя, остановившегося на 966 г. как на дате византийско-болгарского разрыва. Мы же еще раньше пытались доказать, что последний случился (если он действительно имел место) не раньше января 967 г. В этом случае на примирение сторон практически не хватает времени, но, даже если допустить, что мир был подписан, вряд ли найдется объяснение, почему у Никифора возникли новые претензии к Болгарии почти сразу после его подписания. Да и Льву Диакону естественнее было бы упомянуть об униженных просьбах болгар как причине прекращения похода, а он вместо того говорит о страхе перед болгарями.

Таким образом, все побуждает предположить, что Лев Диакон и Скилица, хотя и совершенно по-разному, рассказывают об одном и том же событии. В пользу этого предположения говорит и совпадающий у обоих историков эпизод с Калокиром. Но механически соединенные на страницах монографий рассказы Льва Диакона и Скилицы продолжают автономное существование и не согласуются друг с другом. Прежде всего масштаб предприятия, свершенный по Льву, противоречит факту переписки, почерпнутому из Скилицы. Исследователи пытались объяснить письмо Никифора тем, что императора «мучила совесть»²¹, что он искал формальный повод навести на Болгарию русских²². Но все это малоубедительно: вряд ли моральная чистоплотность считалась необходимой для политика того времени, а уж о нравственных принципах Фоки его подданные могли составить свое собственное мнение — и оно нам известно²³. Что же касается русских, то им предстояло появиться в Болгарии более чем через год, да и болгары, скорее всего, не знали о поездке Калокира и провокационной роли Византии. Наконец, если допустить, что Никифору все же понадобилось для чего-то послать письмо, то ответ Петра уж никак не удастся объяснить. И дело не только в том, что воюющие монархи переписывались между собой — за полвека до этого так же поступали отец Петра Симеон и тогдашний регент Николай Мистик. Главное в другом: из писем видно, что их венценосным авторам ни о какой войне ничего не известно.

Итак, примирить между собой известия Льва Диакона и Яхьи Антиохийского, с одной стороны, и Скилицы и Зонары — с другой, оказывается невозможно. Гетерогенные куски, искусственно сцепленные вместе, как бы взаимоотторгаются. Желание исследователей использовать каждое слово первоисточника понятно, но когда их известия приходят в неразрешимое противоречие друг с другом, нужно сделать выбор.

Единственный, кто решился противопоставить Льва Диакона и Скилицу, — это болгарский историк П. Мутафчиев²⁴. Но выводы, к которым он пришел, прямо противоположны нашим. Раз Лев — современник событий, а Скилица писал веком позднее, то первый заслуживает большего доверия — так рассуждает Мутафчиев²⁵. Но, с одной стороны, у современника связь с событиями живее, личностнее, тем самым больше причин для необъективности; с другой стороны, Скилица также пользовался современ-

¹⁵ См.: *Leo*, p. 440; *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878, с. 239—240; *Златарски В.* История на българската държава. София, 1971, т. I, ч. 2, с. 551; *Runciman S.* History of the First Bulgarian Empire. London, 1930, p. 199, 303; *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 234; История Византии: В 3-х т. М., 1967, т. 2, с. 214; *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and his World. London, 1973, p. 368—369; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. London, 1974, p. 173.

¹⁶ *Гильфердинг А.* Собрание сочинений. СПб., 1868, т. I, с. 140; *Schlumberger G.* Un empereur byzantin au Xe siècle: Nicéphoros Phocas. Paris, 1890, p. 553; *Баласчев Г. Д.* България през последните десетгодишни на десетия векъ. София, 1927, ч. 1, с. 5; *Левченко М. В.* История Византии. М.; Л., 1940, с. 164; *Петров П.* Образуване и укрепване на западната българска държава. — Годишник Софийского университета. Философско-исторически фак., 1953, т. 53, кн. 2, с. 152; *Ангелов Д.* История на Византия. София, 1963, т. 2, с. 82; *Карышковский П. О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе. — ВВ, 1952, 5, с. 137; *Мутафчиев П.* Избрани произведения. София, 1973, т. II, с. 469; *Андреев М.* България през средновековието. София, 1974, с. 91.

¹⁷ *Leo*, p. 63.10—70.3.

¹⁸ *Scyl.*, p. 268.2—4.

¹⁹ *Runciman S.* Op. cit., p. 199—200.

²⁰ *Scyl.*, p. 255.73—256.3.

²¹ *Runciman S.* Op. cit., p. 201.

²² *Schlumberger G.* Op. cit., p. 557; *Browning R.* Byzance and Bulgaria. London, 1975, p. 71; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 257. «Никифор желал оградить себя от упреков, что он навлек нашествие язычников на христианскую страну, с которой до сих пор находился в мире», — пишет М. В. Левченко, хотя несколькими страницами выше он подробно рассказывает о войне Никифора с этой христианской страной.

²³ *Leo*, p. 63.24—64.6; *Scyl.*, p. 275.37—276.22.

²⁴ *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 443.

²⁵ Там же, с. 444.

ными источниками ²⁶. Утверждение же, что рассказ Льва Диакона обладает «истинной беспристрастностью», не выдерживает никакой критики. Если оно основано на обещании самого Льва писать одну правду, то это лишь литературный топос, дословно описанный у Агафия. Однако общие рассуждения о достоверности свидетельств того или другого историка ни к чему не приведут. Лучше присмотримся повнимательнее к описанию византийско-болгарской войны у Льва — может быть, нам поможет внутренняя критика этого фрагмента.

Повторим еще раз уже знакомый нам сюжет: к Никифору являются болгарские послы за данью; разгневанный император оскорбляет и выгоняет их; все еще кипя возмущением, как можно понять у Льва Диакона, он устремляется на Болгарию с войском. Спрашивается, эпизод с послами — это причина или повод к войне? Историки разделяются по этому вопросу на два лагеря. Одни считают, что гнев Никифора вполне понятен, что он был уязвлен и агрессия явилась результатом вспыльчивости ²⁷. Другие, напротив, полагают, что захватнические планы в отношении Болгарии строились давно, и требование дани было лишь предложением ²⁸. Разберем последовательно обе точки зрения.

Еще Г. Шломберже отмечал, что дань в византийское время не являлась унижением. Она была скорее платой за безопасность границ. Не следует переносить на средневековые современные представления о державном достоинстве ²⁹. Византия постоянно платила дань различным народам ³⁰, поскольку война обходилась бы ей дороже. Так что требование «обычной дани» (εἰς τὸν ἐθνικὸν φόρον) никак не могло вызвать у Никифора искреннего возмущения. Еще невероятнее, чтобы в Константинополе забыли о периодически выплачиваемой дани или что «обязанности византийцев вытекали из договора, о котором император не знал» ³¹⁻³², — Никифор сидел на престоле четвертый год и во всяком случае был в курсе международных обязательств своей страны.

Но предположим тем не менее, что император вспылал. Это ослепление гневом должно было владеть им, не ослабевая, пока он выступал из столицы, двигался по Фракии, один марш по которой должен был занять не меньше десяти дней ³³, штурмовал болгарские крепости. Не говоря уже о том, что вообще трудно представить подобный приступ ярости, была ли Никифору присуща такая вспыльчивость? Из многочисленных источников того времени, рассказывающих о нем, перед нами встает образ человека мрачного, расчетливого, замкнутого и злопамятного, но никак не вспыльчивого ³⁴. Если рассмотреть все характеристики Никифора в «Истории» Льва Диакона, то из 40 перечисленных историком черт Фоки ни одна не может быть истолкована как подверженность гневу. О его преемнике Цимисхии, напротив, несколько раз в «Истории» сказано, что он вспыльчив (Θερμοειρής). Вполне понятно, что сцена с послами не соответствует нарисованному самим Львом Диакonom образу Никифора, и поэтому он вынужден трижды оговариваться на протяжении одной фразы: император, «преисполнившись гнева против своего обыкновения (ибо он был благоразумен и нелегко подвержен ярости), закипел сверх меры и заговорил голосом, более громким, чем привык» ³⁵.

Таким образом, мы выяснили, что минутный порыв не мог быть причиной болгарского похода. Значит, остается единственное объяснение: война была задумана давно, Константинополь ждал только удобного повода. Рассмотрим этот вариант. Итак, Никифор идет на Болгарию, заранее разработав план нападения, но вдруг видит, что страна крайне труднодоступна. Риторическое описание болгарских «ужасов» занимает у Льва Диакона полстраницы ³⁶. Прочтя их, можно подумать, что римляне тогда впервые познакомились с этой территорией, входившей в греческую ойкумену с незапамятных времен. Кроме того, принципом Никифора было всегда высылать вперед разведку ³⁷, так что характер местности должен был быть известен ему заранее в любом случае. Но даже если ничего этого не было, если горы явились для Никифора полной неожиданностью, могли ли они испу-

гать его? Фока всю жизнь с юных лет³⁸ воевал в горах Анатолии против арабов, этим же занимались его предки³⁹. Книга Никифора о военном искусстве, дошедшая до нас, вся посвящена боевым действиям в горах⁴⁰. Горы были его стихией, и он бы испугался чего угодно, только не их.

Второй причиной прекращения похода Лев Диакон называет печальную участь предыдущих византийских экспедиций в Болгарию⁴¹. В самом деле, не одна армия погибла там, и самые страшные поражения надолго оставались в памяти ромеев. Так было, например, с битвой 917 г. при Анхиале. Но почему же Никифору должно было вспомниться все это только в самый разгар похода? Даже если он не навел никаких справок о будущем противнике, даже если у него не было ни малейшего представления об истории своей страны, то уж о битве при Анхиале, «кровопролитии, которого не случилось от века»⁴², он помнил всегда: дело в том, что полководцами, потерпевшими тогда сокрушительное поражение, были отец и дядя Никифора — Варда и Лев Фоки⁴³. Ясно, что императору не нужно было приезжать в Болгарию, чтобы вспомнить это. У него, конечно, могли быть и свои, неизвестные Льву Диакону причины для возвращения. Тем не менее исследователи в один голос приводят все те же два шатких соображения — трудноступность территории и опыт прошлого, хотя оба могли быть учтены заранее. «Нет сомнения, — пишет В. Златарский, — что Никифор, как опытный стратег, мог иметь подобные соображения, которые вполне объясняют то беспричинное отступление»⁴⁴. Но разве опытного стратега должна характеризовать неподготовленность к кампании? Некоторые историки пытаются все же к объяснениям Льва Диакона присовокупить и свои собственные: Никифор хотел сберечь силы для войны с арабами⁴⁵ и в Италии⁴⁶. Действительно, непрекращавшаяся война на востоке и западе требовала постоянного напряжения сил: немцы теснили греков в Южной Италии, о чем нам еще предстоит говорить; сицилийские арабы наголову разбили посланную против них экспедицию, пала Раметта — последний византийский оплот на острове, и Сицилия была потеряна для ромеев навсегда⁴⁷: правда, в Малой Азии Никифор захватил Тарс, но основная борьба на Ближнем Востоке еще предстояла. Не подумать обо всем этом

²⁶ Сююмов М. Я. Указ. соч., с. 125, 128. Эта работа осталась, видимо, неизвестна Мутафчиеву, который продолжал считать, будто у Скилицы был один источник (с. 474—476).

²⁷ *Runciman S.* Op. cit., p. 199; *Златарски В.* Указ. соч., с. 547; *Петров П.* Указ. соч., с. 156; *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 470. Позиция Мутафчиева противоречива. Утверждая, что истинной причиной было ослабление Болгарии (с. 469), он тем не менее постоянно делает упор на вездельчivosti Никифора (с. 473—475).

²⁸ *Schlumberger G.* Op. cit., p. 550—553; *Гильфердинг А.* Указ. соч., с. 140; *Мутафчиев П.* История на българския народ. София, 1943, т. I, с. 356; *Левченко М. В.* История Византии, с. 164; *Ангелов Д.* История на Византия, с. 82; *Коледаров П.* Политическа география на средновековната българската държава. София, 1979, т. I, с. 52.

²⁹ *Schlumberger G.* Op. cit., p. 549—550.

³⁰ См.: *Чертков Д.* Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков. М., 1843, с. 150—152.

³¹⁻³² *Петров П.* Указ. соч., с. 156.

³³ См.: *Miller K.* Itineraria romana. Stuttgart, 1915, S. 514—515, 538—539.

³⁴ *Сырку П.* Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки. СПб., 1883, с. 53.

³⁵ *Leo*, p. 61.15—17.

³⁶ *Ibid.*, p. 62.13—20.

³⁷ *Liber de velitatione.* — In: *Leo*, cap. 2, 7, 15.

³⁸ *Васильев А. А.* Византия и арабы. СПб., 1902, с. 295—300.

³⁹ *Бурић И.* Породица Фока. — ЗРВИ, 1976, т. 17, с. 227—259.

⁴⁰ *Liber de velitatione*, cap. 3, 5, 11, 23, 25.

⁴¹ *Leo*, p. 62.21—63.4.

⁴² *Theophanes Continuatus*/ Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838, p. 389.16.

⁴³ *Бурић И.* Указ. соч., с. 239, 292.

⁴⁴ *Златарски В.* Указ. соч., с. 547.

⁴⁵ *Златарски В.* Указ. соч., с. 547; *Ostrogorsky G.* Op. cit., S. 234.

⁴⁶ *Левченко М. В.* Очерки. . . , с. 255.

⁴⁷ *Eickenhoff E.* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Berlin, 1966, S. 347—351.

можно было разве только в припадке гнева, но мы уже выше показали, что подобное также было невозможно.

Итак, остается единственный путь — вообще отвергнуть византийско-болгарскую войну 967 г. как не имевшую места. Мы впервые решаемся открыто поставить под сомнение этот факт, хотя некоторые авторы пытались обойти вопрос об этой войне, чувствуя его спорность⁴⁸.

Что говорит против нашей гипотезы? Прежде всего, разумеется, сообщение Яхьи Антиохийского. Но арабский историк хорошо осведомлен лишь в азиатских делах, его известия о событиях на западе часто носят характер домыслов. Если принять версию Яхьи, придется также поверить, что в рассматриваемый период Византия была в состоянии войны с Русью, болгарского царя звали Самуил, болгары опустошали византийские провинции⁴⁹. Предположение о возможном источнике последнего известия Яхьи мы выскажем ниже. Таким образом, при всей огромной ценности многих сообщений антиохийского историка его авторитет не может быть решающим в вопросе о западной политике Византии.

Зато свидетельство участника событий — наблюдательного посла Лиутпранда — говорит в пользу нашего предположения. В самом деле, если в июне 967 г. была византийско-болгарская война, то что же означает болгарское посольство, виденное в Константинополе Лиутпрандом? Несмотря на то что последний был епископом и представлял самого Оттона Великого, при дворе явно отдавали предпочтение «варварскому» посланнику: на приеме он был посажен выше Лиутпранда. Епископу объяснили, что Византия признает за болгарским царем титул василевса, германскому же императору в этом отказано⁵⁰. Значит, в июне 968 г. отношения с болгарями были самыми теплыми. Как это могло случиться, если война все же имела место? Коль скоро куропалат Лев Фока в разговоре с Лиутпрандом ссылался, как уже отмечалось выше, на договор 927 г., то не существовало, видимо, более нового соглашения, на которое он мог бы указать. Многие исследователи полагают, что нападение Руси заставило болгар искать помощи у Византии. Однако нам точно известно, что русские появились в августе, а Лиутпранд видел болгарское посольство в июне⁵¹.

Но, пожалуй, еще важнее для нас другое сообщение кременского епископа: на одной из аудиенций Никифор сказал ему, что в прошлом (т. е. 967) году империя готовилась к войне с «ассирийцами»-арабами, но в это время императору стало известно, что Оттон собирается напасть на византийские владения. Круто изменив свои планы, Никифор, по его словам, развернул армию против немцев. Он уже двигался по Македонии, когда навстречу поспешило германское посольство с венецианцем Домиником во главе. Последнему стоило «много трудов и пота» уговорить Фоку возвратиться, пообещав, что Оттон никогда больше не посягнет на земли империи⁵². Ужас послов перед грозной византийской опасностью был так силен, что Доминик в своих униженных просьбах далеко вышел за пределы данных ему полномочий и был впоследствии дезавуирован⁵³.

Когда же случился этот поход? На пасху, приходившуюся в 967 г. на 31 марта⁵⁴, Никифор был в Константинополе. В праздник Вознесения, падавший на 9 мая⁵⁵, — тоже⁵⁶. Между этими двумя датами в столице происходили беспорядки, и вряд ли император решился бы отлучиться из города. Кроме того, из хроники Продолжателя Регинона мы знаем, что в апреле Оттон с почестями принимал в Равенне византийское посольство⁵⁷. Логично предположить, что Фока дождался его возвращения, прежде чем развязать войну против могущественного западного соседа⁵⁸. Посольство не могло вернуться раньше конца мая⁵⁹, и, следовательно, Никифор выступил в поход в начале лета. Напомним, что вдоль болгарской границы он проехал в июне.

Значит, если верить всем источникам, Никифор одновременно начал две войны — против Германской империи и против Болгарии.

Чтобы оценить возможность этого, взглянем на развитие германовизантийских отношений. Принятие Оттоном I императорского титула

в 962 г. не только больно ударило по амбиции правителей Константинополья, но и показало, что рядом с ними вырос опасный соперник. Начав с претензии на наследие древнего Рима, Оттон вскоре стал прибирать к рукам византийские земли в Италии. Один за другим переходили под покровительство более сильного сюзерена вассалы ромеев — капуанский герцог Пандульф Железная Голова, герцоги Салерно и Беневента Гизульф и Ландульф. В конце 966 г. Оттон вступил в Рим и посадил там «своего» папу Иоанна XIII, жестоко расправившись с восстанием горожан⁶⁰. В феврале 967 г. Беневент открыл ворота перед немцами. Германские войска вступили на территорию византийской фемы Лангобардии⁶¹. Нависла опасность над последними владениями Византии — Апулией и Калабрией.

Никифор, связанный войной на Востоке, не мог ничего предпринять. Лишь зимой 966/7 г. он снарядил к Оттону посольство, имевшее полномочия разрешить конфликт мирным путем. Фока пытался избежать войны на Западе — его дела в Малой Азии развивались успешно, и он, видимо, хотел заинтересовать Оттона идеей совместных действий против арабов, добившись одновременно отказа от посягательств на византийские фемы⁶². Но у немцев были свои планы: идя на переговоры, Оттон хотел лишь признания Константинополем своего императорского титула и претендовал на брак германского наследника Оттона II с багрянородной византийской принцессой из Македонской династии⁶³, рассматривая захваченные имперские земли как залог осуществления этих честолюбивых планов⁶⁴. Принятие немецких требований означало бы такое унижение ромейской державной гордости, на которое Никифор — особенно при тогдашней внутривосточной ситуации — никак не мог решиться. Ему оставалось лишь скрепя сердце выступить войной, всю рискованность которой он прекрасно понимал: недаром он согласился на предложения Доминика, вел с ним долгие переговоры (тот вернулся в Равенну лишь к рождеству), в январе 968 г. вновь, несмотря на коронацию в Риме Оттона II, отправил послов к германскому императору, надсмевавшемуся

⁴⁸ Герцберг Г. Ф. История Византии. М., 1896, с. 162; Ангелов Д. Указ. соч., с. 82; *Grouping R.* Op. cit., p. 71; Карышковский П. О. Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967—971 гг.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1951, с. 17; см. также: Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, с. 171.

⁴⁹ Розен В. Р. Указ. соч., с. 177—178. Некоторые исследователи пытаются упрочить престиж Яхьи, см., например: Златарски В. Указ. соч., с. 547, прим. 10; Мутафчиев П. Маджарите. . . , с. 471, прим. 51. Однако их доводы, на наш взгляд, не вполне убедительны.

⁵⁰ Liudprand von Cremona, cap. 19.

⁵¹ Удивительно, как не заметил, к примеру, В. Златарский, что русское нападение он относит к началу августа (указ. соч., с. 551), а вызванное этим нападением посольство — к концу июня (с. 555—556). В выигрышном положении тут оказываются историки, принимающие 967 г. как дату появления Руси на Дунае. Но эта датировка безоговорочно отвергнута теперь. См.: Карышковский П. О. О хронологии. . . , с. 137.

⁵² Liudprand von Cremona, p. 192.1—2; 188.23—28.

⁵³ Mystakidis B. Byzantinisch-deutsche Beziehungen zur Zeit der Ottonen. Stuttgart, 1891, S. 23.

⁵⁴ Grumel V. La chronologie. Paris, 1958, p. 253.

⁵⁵ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977, S. 257.

⁵⁶ Scyl., p. 276.11—19.

⁵⁷ Reginonis Abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi/ Rec. F. Kunze. Hannoverae, 1890, p. 178.

⁵⁸ Нельзя согласиться с тем, что это посольство блуждало совершенно независимо от происходивших вокруг событий, как это получается из книги: Gay J. Italie méridionale et l'Empire byzantin. New York, 1904, vol. II, p. 302.

⁵⁹ См.: Miller K. Op. cit., p. 208—220, 516—524.

⁶⁰ Schlumberger G. Op. cit., p. 584—585.

⁶¹ Gay J. Op. cit., p. 302.

⁶² Ibid., p. 300—301.

⁶³ Reginonis Abbatis Prumiensis Chronicon, p. 178.

⁶⁴ Ohnsorge W. Konstantinopel und Okzident. Darmstadt, 1966, S. 199—200, 222.

над ними ⁶⁵, и, наконец, после неудачной экспедиции Оттона против Южной Италии в марте 968 г. опять согласился принять германского посла Лиутпранда. Изложенное показывает, с какой неохотой Никифор начал войну в июне 967 г., но и сколь серьезными были причины этой войны. Ясно, что император в таких условиях не мог сам взвалить на себя бремя второго конфликта. Наоборот, мы знаем, что в 967 г. Византия замирилась со своим давним врагом — фатимидским эмиром Аль-Муизом, чтобы ценой компромисса на Востоке добиться свободы рук на Западе. Значит, сообщение Льва Диакона о византийско-болгарской войне противоречит также и западным источникам. Особенно странно, почему Фока, только открыв боевые действия против болгар, немедленно отступил и двинулся на запад, оставляя в своем тылу новоприобретенного противника. Таким образом, известие Льва может быть отвергнуто как противоречащее не только всей сумме имеющихся источников, но и логике развития событий.

При всем этом сообщение Скилицы об инспекции фракийских крепостей остается в силе. Зачем же Никифору понадобилось делать крюк до Большой Суды? Обратимся к свидетельству еврейского путешественника Ибрагима ибн-Якуба. Ибрагим говорит, что он видел болгарское посольство при дворе «царя Хута», т. е. Оттона ⁶⁶. Это было в 965 г. ⁶⁷ О чем шел разговор в Мерзбурге между послами и Оттоном, нам неизвестно; возможно, Петр просил у германского императора помощи против мадьяр и, не получив ее, договорился с самими венграми, о чем и свидетельствует его переписка с Никифором, упоминавшаяся выше ⁶⁸. Но, с другой стороны, после 955 г., когда Оттон наголову разгромил венгров на р. Лех, они перестали тревожить германские владения, и Оттону подобный союз был бы невыгоден. Можно думать, что болгары собирались пойти дальше по пути сближения с Западной империей, чтобы в своих отношениях с империей Восточной их слабеющая страна могла иметь хоть какую-то свободу маневра. Возможность подобного сближения не покажется странной, если учесть дипломатическую активность Германии среди славянских народов именно в 60-х годах X в. ⁶⁹ Переговоры имели, видимо, характер предварительного зондажа, поэтому латинские хроники ничего о них не сообщают.

Известие о мерзбургском посольстве не могло не вызвать в Константинополе беспокойства. Вот почему, начиная войну против Оттона, Никифор позаботился о надежности оборонных линий на болгарской границе. Если учесть также, что у нас нет сведений о мадьярских набегах на Византию между 962 и 968 гг., то можно предположить, что обмен письмами, хотя сами эти письма и были посвящены болгаро-венгерскому договору, имел тайную цель: исподволь выяснить отношение Петра к германо-византийскому антагонизму и определить позицию Болгарии. Перед нами не случайное совпадение дат, а их глубокая связь, внимание на которую не обратили авторы доступных нам работ ни по византийско-болгарским, ни по византийско-германским отношениям ⁷⁰.

Но вернемся к греческим источникам и зададим вопрос: как при нашей гипотезе об отсутствии военного конфликта на фракийской границе объяснить поездку Калокира на Русь? У нас нет известий о намерениях византийского правительства, что и отмечено в некоторых исследованиях ⁷¹. Тем не менее обычно все молчаливо исходит из того, что Фока именно «покорения Болгарии» и хотел: иначе неясно, почему в большинстве работ говорится о решительной перемене в политике Византии, когда Никифор несколько позже предложил болгарам помощь ⁷². Однако если бы в Константинополе действительно строились захватнические планы, то с началом русского нашествия византийская армия должна была появиться на болгарской границе, ожидая, пока Святослав уйдет из разоренной страны и ее можно будет брать голыми руками. Вместо этого Никифор 22 июля 968 г., т. е. за несколько дней до спровоцированного им нападения Руси, отправился походом на Восток ⁷³. Между тем никаких допущений о резкой переориентации не понадобится, если остановиться на первом пред-

положении, а именно что Фока хотел теснее привязать к себе болгар. Он желал преподавать им суровый урок, но полный разгром Болгарии не входил в его планы. Отчасти этими целями был продиктован и выбор орудия. Почему Никифор остановился на русских? Ведь Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении империей» советовал использовать против болгар соседних с ними печенегов⁷⁴. Приводится несколько причин тому, что Никифор сделал ставку на русских⁷⁵, но главная, на наш взгляд, не названа: действия кочевников были непредсказуемы, примеров этого можно найти множество⁷⁶. На Русь, по убеждению Константина, всегда можно было воздействовать с помощью печенегов⁷⁷, а на них самих управы не существовало. Не было гарантии, что они останутся, когда это понадобится Византии. Никифор же хотел протянуть Болгарии руку помощи в момент опасности, не принося никаких жертв, благодаря одному лишь союзу с печенегами.

Другая цель, которую мог преследовать император, наводя Святослава на Болгарию, — это нейтрализация ее как возможного противника в разгоравшемся конфликте с Германией. Ведь, несмотря на уверения Доминика, в Константинополе не очень рассчитывали на мирное решение проблем Южной Италии⁷⁸. Плану Никифора нельзя отказать в изощренности; единственное, чего он не мог предусмотреть, — это намерения Святослава утвердить свою власть на Дунае. Но подобная мечта и его соотечественникам, судя по всему, была непонятна: недаром летописец вводит сцену объяснения князя с матерью и боярами⁷⁹.

Как же развивались события после отъезда Калокира в Киев? Несмотря на некоторое охлаждение, отношения Константинополя с Преславом оставались дружескими — Византия нуждалась в прочном тыле. Когда в августе 968 г. Болгария оказалась неспособной противостоять

⁶⁵ *Mystakidis B.* Op. cit., S. 24.

⁶⁶ *Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878, ч. I, с. 52.

⁶⁷ По мнению некоторых историков, в 973 г., см.: *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961, т. II, с. 282—286. Развертывание аргументации в пользу 965 г. увело бы нас далеко в сторону от нашего предмета.

⁶⁸ *Златарски В.* Известиего на Ибрахим-ибн-Якуб за българите от 965 год. — Списание на Българската академия на науките, 1919, кн. XII, с. 74—75.

⁶⁹ См.: *Королюк В. Д.* Польша и Германская империя в системе международных отношений Центральной и Восточной Европы во второй половине X—первой половине XI в. — В кн.: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968, с. 7, 11.

⁷⁰ В работах первого рода обычно не упоминается сообщение Лиутпранда, использованное нами, в исследованиях второго рода — известия византийских источников. Только Г. Шломберже замечает, что экспедиция на запад началась, видимо, после болгарской (*Schlumberger G.* Op. cit., p. 592, n 1). Еще в одной работе (*Leysner K.* The Xth Century in Byzantine-Western Relationship. — In: Relations between East and West in the Middle Ages. Edinburgh, 1973, p. 31) высказывается предположение, что Никифор «блефовал» в разговоре с Лиутпрандом, что воевал он только против болгар. Но мог ли император также обмануть и Доминика, видевшего все своими глазами?

⁷¹ *Иречек К.* Указ. соч., с. 40—41: «О планах Никифора мы не имеем точных сведений — хотел ли он только страдать Петра или же имел в виду покорение Болгарии». Почти такая же фраза есть в книге: *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия в X веке. М., 1876, с. 97. Несколько измененная, она переходит в статью П. Мутафчиева «Русско-болгарские отношения при Святославе». — *Seminarium Kondakovianum*, 1931, IV, с. 84. Отсюда ее дословно списывает М. В. Левченко (Очерки. . . , с. 255).

⁷² *Гильфердинг А.* Указ., с. 143; *Иречек К.* Указ. соч., с. 41; *Schlumberger G.* Op. cit., p. 736; *Левченко М. В.* История Византии, с. 164.

⁷³ *Liudprand von Cremona*, S. 193.8—10.

⁷⁴ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio/Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 5.

⁷⁵ *Гильфердинг А.* Указ. соч., с. 140—141; *Златарски В.* История. . . , с. 549—550.

⁷⁶ *Runciman S.* Op. cit., p. 186.

⁷⁷ *Constantine Porphyrogenitus.* . . , cap. 2, 4.

⁷⁸ *Schlumberger G.* Op. cit., p. 592—594.

⁷⁹ ПСРЛ, т. I, с. 67.

армии Святослава, туда прибыли имперские послы с предложением помощи. У нас нет данных, чтобы определить, было ли это посольство Никифора Эротика и евахитского епископа Филофея, о котором рассказывает Лев Диакон⁸⁰. Однако можно предположить, что от болгар это же посольство отправилось к печенегам с целью натравить их на Киев: вспомним, что в 971 г. к тем же печенегам со столь же провокационной миссией поехал тот же епископ Филофей⁸¹. Кочевников не нужно было долго уговаривать. Они осадили Киев, и Святослав оказался перед необходимостью вернуться. Когда зимой 968/9 г. император Никифор возвратился с Востока, Болгария снова была верным союзником Византии. Скорее всего, уже существовала договоренность о династическом браке, который бы опять связал обе страны. Дипломатическая комбинация как будто бы удалась: болгары на печальном опыте должны были убедиться, что ни договор с мадьярами в ущерб интересам империи, ни союз с немцами не спасут их от чужеземного нашествия, и только «испытанный друг» Византия может выручить Болгарию, стоит только попросить. Никто еще не знал, что у русского князя были свои планы, которые очень скоро направили события по пути, не предусмотренному Никифором. Вторичное нападение Руси в 969 г. вынуждало императора именно к тому, от чего он хотел избавиться с помощью своей хитроумной интриги, — к вооруженному конфликту, вся тяжесть которого легла уже на плечи его преемника и убийцы Иоанна Цимисхия.

Здесь мы могли бы подвести черту, но тогда осталось бы непроясненным одно обстоятельство: поставив под сомнение факт византийско-болгарской войны 967 г., мы тем самым заявили претензию на то, что события тысячелетней давности известны нам лучше, чем современнику событий Льву Диакону. Теперь настало время объяснить, как это могло произойти. Появление соответствующих глав в «Истории» Льва обусловлено двоякого рода причинами — обстоятельствами 967 г. и первой половины 990-х годов. Рассмотрим их по порядку.

Начиная с 965 г. популярность императора Никифора Фоки стала резко падать. Пользуясь царившим в столице голодом, семейство Фоки продавало государственный хлеб по спекулятивным ценам. Хлеб вздорожал в несколько раз. Непрерывно увеличивались налоги. Роптало ущемленное Никифором духовенство. Ненависть к императору росла повсеместно⁸². В праздник Вознесения весной 967 г. он чуть не был растерзан разъяренной толпой⁸³. Из страха перед подданными Никифор приказал окружить свой дворец неприступной стеной⁸⁴. Императору нужно было во что бы то ни стало вернуть потерянную популярность — но как? Когда-то Константин-пополь восторженно приветствовал Фоку как великого полководца — победителя арабов. Однако с тех пор восточные походы успели народ утомить. Ибн-Хаукаль рассказывает, что эти далекие восточные экспедиции требовали колоссальных затрат, а военная добыча все равно доставалась одному императору⁸⁵. Развитие событий в Италии также вредило авторитету Фоки, о чем известно от Видукинда Корвейского и Титмара⁸⁶.

Никифору нужна была быстрая и легкая победа, причем не за сотни миль, не в Сирии или Италии, а рядом, чтобы подданные ощутили степень опасности, от которой их спас император. Но одной только войны было недостаточно. Требовался еще и взрыв всеобщего негодования — только он мог восстановить единство народа и монарха перед лицом оскорбленной ромейской гордости. Вот тут-то и пришлось как нельзя кстати появление болгарского посольства за обычной данью.

Так как она была в сущности рассроченным приданым византийской принцессы Марии, жены болгарского царя⁸⁷, то прекращение платежей естественно следовало за смертью Марии. Рассматривать эти деньги как дань (в чем, как мы показали выше, также не было ничего оскорбительного) не имело смысла, поскольку заключенный Болгарией договор с мадьярами снял с Петра обязанность защищать от них Византию. Так что есть все основания полагать, что болгары предвидели прекращение

платежей, что переговоры в Константинополе зимой 966/7 г. прошли мирно и уж во всяком случае без сцены, описанной Львом Диаконем.

Однако по внутривосточным причинам Никифор был заинтересован в том, чтобы создать в столице воинственный угар. Официальная пропаганда изобразила требования болгар как неслыханное попрание державного достоинства и представила императора его мужественным защитником. Из этой же попытки направить недовольство в другое русло родилась и фикция пограничной войны. Болгарская граница проходила сравнительно близко от Константинополя, и разговоров в столице было много. Не исключено, что чем дальше от столицы, тем более беззащитные формы принимала официальная ложь и рожденные ею слухи — этому мы и обязаны уже упомянутым выше сообщениям Яхьи Антиохийского, будто болгары грабили византийские провинции. Вряд ли Никифору удалось повысить свой престиж — ненависть к нему не уменьшилась, — но Лев Диакон, тогда подросток-провинциал, недавно приехавший учиться в Константинополь, запомнил распространявшиеся слухи и почти через 30 лет описал их в своей «Истории»⁸⁸.

Но почему Лев Диакон доверился детским впечатлениям, составляя свой труд? Чтобы объяснить эту его «беспомощность», посмотрим, в каком положении оказалась Византия к середине 990-х годов — времени написания «Истории»⁸⁹.

После смерти императора Цимисхия в 976 г. в Западной Болгарии вспыхнуло восстание Комитопулов, и началась болгаро-византийская война, тянувшаяся 42 года и завершившаяся полным присоединением разоренной и обескровленной страны к Византии. Но к 995 г. на счету ромеев были почти одни поражения. В 986 г. молодой император Василий II предпринял поход на болгар, в котором как придворный диакон участвовал будущий автор «Истории» Лев. 17 августа византийская армия была заперта болгарами в Ихтиманском проходе и вырезана почти целиком. Лев Диакон рассказывает об этой катастрофе, оставившей, видимо, неизгладимый след в его душе. Сам он чудом спасся благодаря резвости своего коня, выскользнув из ущелья за миг до того, как кольцо болгарского окружения замкнулось⁹⁰. Один разгром следовал за другим: царь Самуил опустошал Фессалию, Беотию, Аттику, Пелопоннес⁹¹. Отчаянье среди ромеев было столь велико, что византийские полководцы добровольно переходили на сторону болгар⁹². Когда Лев Диакон взялся за свое сочинение, война тянулась уже почти 20 лет, и конца ей не было видно. При этих обстоятельствах в умах людей должна была произойти своего рода ретроекция современного положения вещей в прошлое. Казалось, что эта изнурительная война шла всегда. Так что для Льва Диакона было психологически

⁸⁸ *Leo*, p. 79.14—21. Обычно это посольство относят ко второму появлению русских в 969 г., но П. Мутафчиев справедливо указывает, что оно могло состояться и в 968 г. (Русско-болгарские отношения. . . , с. 85, прим. 25). В изложении Льва Диакона оба названных похода сливаются в один. К сожалению, нам осталась недоступной статья: *Анастасиевич Д.* Година савеза Фокина с Бугарима против Руса. — Гласник скопског научног друштва, 1931, т. XI, с. 51—60.

⁸⁹ *Scyl.*, p. 310.49—50.

⁹⁰ *Leo*, p. 63.24—64.12; *Scyl.*, p. 273.37—276.10.

⁹¹ *Scyl.*, p. 276.11—19.

⁹² *Leo*, p. 64.16—21.

⁹³ *Розен В. Р.* Указ. соч., с. 279.

⁹⁴ *MGH, SS*, 1826, v. III, p. 465; *Kronika Thietmara*. Poznan, 1953, s. 65.

⁹⁵ *Runciman S.* Op. cit., p. 199.

⁹⁶ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 159) отметил, что Лев зачастую опирается на собственные воспоминания, не подкрепленные другими источниками.

⁹⁷ Мы не можем согласиться с М. Я. Сюзюмовым, считающим, что «История» была написана до 991 г., см.: *Сюзюмов М. Я.* Мирозрение Льва Диакона. — АДСВ, 1971, 7, с. 128, 142, прим. 3. Нет оснований считать интерполяцией пассаж «Истории» (*Leo*, p. 176.4—7), точно датированный 13 мая 994 г.

⁹⁸ *Leo*, p. 171.6.—173.11.

⁹⁹ *Scyl.*, p. 341.27—30.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 343.72—75.

естественно «удревнить» на десять лет болгаро-византийскую вражду, следуя детским воспоминаниям в ущерб историческим источникам.

Между тем на участников событий 967—969 гг. тоже влияла инерция предыдущего опыта, но то была инерция 40 лет интенсивных культурных контактов и политического союза⁹³. Император Никифор II Фока не прервал этой традиции, и, кстати говоря, в болгарском народе осталась о нем добрая слава. В фольклорном памятнике «Повесть об убиении Никифора Фоки», актуальном политическом памфлете времен византийского господства, император изображен идеальным правителем и противопоставлен врагам болгарского народа — Цимисхию и Феофану, матери Василия II «Болгароубийцы»⁹⁴. Что касается историографии нового времени, то она в изображении событий 966—969 гг. стала, как нам кажется, жертвой такой же ретроекции, как и основной ее источник — Лев Диакон. Кровавая эпопея 976—1018 гг. затрудняет непредвзятый подход к последнему мирному периоду болгаро-византийских отношений⁹⁵.

⁹³ Мы не можем здесь останавливаться на концепции В. Гюзелева (*Гюзелев В.* Добруджанский надпис и события в България през 943 г. — ИИ, 1968, № 6, с. 45—46), считающего, что прочного союза не было никогда.

⁹⁴ *Мечев К.* Възмездие за жестокостта. — Литературна мисъл, 1975, № 2, с. 126.

⁹⁵ В настоящей работе мы не принимали во внимание подложный хрисовул Никифора Фоки Варитадскому монастырю, который П. Тивчев использует как источник о «войне» 967 г. Признавая этот документ фальшивым [*Тивчев П.* За войната между Византия и България през 977 г. (так в заглавии! — *С. И.*). — ИИ, 1969, т. 25, кн. 4, с. 81—83], П. Тивчев тем не менее утверждает, что «фальсификация касалась материальных интересов монастыря» (с. 83). Однако грандиозные размеры дарения, явно подтасованные монахами, требовали в обоснование какой-то чрезвычайной причины. Отправной точкой для их фантазии послужили смутные воспоминания о ходивших некогда слухах насчет «победы» Никифора над болгарями. Упоминание в хрисовуле «пленных, освобожденных от вериг» (с. 88), имплицитно представляет о долгой, шедшей с переменным успехом войне, про что нет ни слова даже у Льва Диакона. Говорится в этом документе и о восстановлении Никифором «ранее разрушенных крепостей» (с. 88). Действительно, от периода его правления дошли две надписи, сообщающие о возведении ромеями крепостей на подступах к болгарской границе — в Филиппах и Тироле (BZ, 1941, 41, S. 564—565; *Lemerle P.* *Philipres et la Macédoine Orientale*. P., 1945, p. 141—144). Но то были вновь построенные, а не восстановленные укрепления. Какую цель преследовала эта фортификационная активность? Ясно, что она не вяжется с приписываемой Никифору стратегией молниеносного превентивного удара по Болгарии: император готовился на болгарской границе к обороне и следовало необходимым проинспектировать ее именно накануне войны с Оттоном. Все это лишний раз убеждает в том, что в Константинополе считались с возможностью выступления Болгарии на стороне немцев против Византии. Ничто из сказанного не дает аргументов в пользу истинности рассматриваемого хрисовула. Против того, что «монахи сохранили историческую канву» (с. 82), свидетельствует еще и следующее: в хрисовуле от имени Никифора говорится, что часть пожертвований дана им «на вспоминание наших благочестивых родителей» (с. 87), в то время как отец императора Варда был в 967 г. жив и здоров.